
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Виталик Славенский
Штакет. Битый калач. Выйти живым

https://litres.ru/74925238
SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет за решёткой. Криминальные разборки. Передозировки. Клиническая смерть. И жизнь, которую пришлось отвоёвывать у самого себя.

В криминальном мире его знали как Штакета. Для одних он был авторитетом, для других опасным человеком, с которым лучше не переходить дорогу. Но за громким прозвищем скрывалась судьба Виталия Славенского, парня из Тимашевска, которому предстояло пройти через настоящий ад.

Уличные понятия, бригады, большие деньги, тюремные этапы, лагеря и десять лет заключения за убийство. Казалось, Штакет знал все правила выживания. Но ни связи, ни авторитет, ни воровские законы не смогли защитить его от самого страшного врага: собственной зависимости.

Передозировки, потерянные годы, клиническая смерть, попытки начать заново и снова падения на самое дно.

Сколько раз нужно умереть, чтобы наконец захотеть жить?

Сегодня Штакет выбирает другой путь. Трезвость, веру, честность перед собой и помощь людям, которые оказались там, откуда он сам когда-то не видел выхода.

Виталик Славенский Штакет. Битый калач. Выйти живым

Виталий Славенский

ШТАКЕТ

БИТЫЙ КАЛАЧ. ВЫЙТИ ЖИВЫМ

Художественная повесть по мотивам биографических сведений

ОТ АВТОРА

Эта художественная повесть подготовлена по сведениям, переданным для создания книги о Виталии Викторовиче Славенском, известном под прозвищем Штакет. В ней есть сообщённые биографические вехи и художественная реконструкция: сцены, диалоги, отдельные образы и внутренние монологи придуманы ради цельного повествования. Она не является документальным свидетельством о конкретных преступлениях, людях или учреждениях. До публикации фактические подробности необходимо сверить с самим героем и документами. Неуточнённые названия мест лишения свободы и цифры не заменены выдумкой.

ПРОЛОГ. ПУЛЬС

Ему казалось, что смерть должна приходить громко.

С грохотом железной двери. С матом на лестничной клет-

ке. С визгом тормозов, с чьим-то «ложись!», с ударом, которого не успеваешь увидеть. За свою жизнь Штакет успел насмотреться на то, как люди теряют контроль: вчера грозный, сегодня беспомощный; вчера при деньгах, сегодня без имени. Он знал цену страху и научился делать вид, будто не знает его совсем.

Но в тот раз всё было иначе.

Сначала исчезли звуки. Потом свет потерял очертания. Кто-то говорил рядом, однако слова будто плыли под водой. Никакого красивого тоннеля, никакого киношного света. Лишь пустота, в которой не работали ни связи, ни авторитет, ни привычное «разберёмся».

Его сердце остановилось.

Это был не первый раз, когда он оказался у края. Передозировки приходили не как предупреждение, а как повторяющийся приговор, который он почему-то каждый раз умудрялся отложить. Слова «последний раз» давно растеряли смысл. Он произносил их столько, что они стёрлись, как надпись на старой двери.

Потом кто-то вернул его к дыханию.

Он открыл глаза не победителем, каким привык изображать себя на улице. Он открыл их человеком, который внезапно понял: мир может продолжиться без него. Не рухнут дома. Не перестанут ходить поезда. На рынках снова откроют павильоны, по дворам пройдут знакомые лица, в колониях прозвучит подъём. А его не будет.

Было страшно не умереть. Страшно было прожить ещё одну жизнь точно так же.

Много позже он научится говорить о том дне без бравады. Не «я и смерть обманул», не «меня не берёт», а просто:

— Мне дали ещё один шанс. Я долго не понимал, что с ним делать.

Однако, чтобы дойти до этой фразы, Виталику Славенскому предстояло пройти путь, который в обычный человеческий рассказ не помещался. От Тимашевска до тюремных ворот. От бригад и рынков до больничной тишины. От чужого страха до собственного. От клички Штакет обратно к имени Виталик.

А начиналось всё почти неправдоподобно: с мальчишки весом шесть килограммов и ростом шестьдесят сантиметров.

ГЛАВА 1. ШЕСТЬ КИЛОГРАММОВ ХАРАКТЕРА

Краснодарский край умеет встречать человека по-своему. Летом он бьёт жаром в лицо, зимой заставляет сырость пробираться под воротник, а круглый год учит жить без лишних церемоний. В Тимашевске все улицы кажутся знакомыми, даже когда сворачиваешь на них впервые: заборы, ворота, разговоры у магазинов и любопытные взгляды, умеющие замечать больше, чем надо.

В таком городе родился Виталик Славенский.

При рождении он весил шесть килограммов, ростом был шестьдесят сантиметров. Цифры, от которых взрослые

обычно присвистывают и начинают спорить, на кого же похож этот богатырь. Если бы судьба раздавала подсказки прямо в роддоме, кто-нибудь наверняка сказал бы: «Этот точно будет не из тихих».

Но большой ребёнок не рождается ни праведником, ни преступником. Он рождается человеком. И каждому такому человеку однажды приходится решать, что делать со своей силой.

Детство в провинциальном городе протекает незаметно. Сегодня ты стоишь у калитки, слушая разговоры старших, завтра уже идёшь за ними, стараясь не отставать. Прислушиваешься, кто на районе «свой», кто «левый», кто отвечает за слова, а кто только язык об забор чешет. Рано усваиваешь, что у любой компании есть правила, даже если никто их вслух не объявлял.

В дворовой памяти нет аккуратной хронологии. Там всё хранится кусками: жаркая пыль под ногами; запах асфальта после дождя; чей-то смех, внезапно обрывающийся при появлении старших; ощущение, что взрослый мир уже рядом и в нём нет места слабым.

Штакетом его будут звать позже. Тогда он был просто Виталиком, одним из многих мальчишек, которым ужасно хотелось, чтобы их воспринимали всерьёз.

Взрослость на улице часто подделывают. Её носят, как чужую куртку: голос грубее, шаг шире, взгляд тяжелее. Научиться не бояться позора оказывается важнее, чем научить-

ся различать добро и зло. И если вокруг хлопают по плечу за дерзость, трудно услышать того, кто говорит: «Притормози, парень».

Человек не замечает, как впервые выбирает не тот поворот. Потому что это ещё не пропасть, а всего лишь короткая дорожка. За ней следующая, потом ещё одна. И только спустя годы он оглядывается и понимает, что каждая из них вела в одну сторону.

Штакет скажет потом, что у судьбы были развилки. Ему не всегда нравились собственные решения. Но признаваться в этом он научился гораздо позже, когда уже не надо было никому доказывать, что он железный.

ГЛАВА 2. ПО ПОНЯТИЯМ

На улице уважение редко приходит за хорошие оценки или добрые дела. Чаще его получают за умение стоять на своём, за громкое слово, за способность не отвести глаза. Старшие будто проверяют: сломаешься или выдержишь? И мальчишка, ещё не разобравшийся в себе, начинает жить так, словно каждый день сдаёт экзамен.

Вокруг были компании, которые сами себя называли бригадами. Чужие разборки превращались в события, о которых потом неделю говорили вполголоса. Одна компания дружила с другой, потом ссорилась; сегодня звали за стол, завтра требовали ответа. Улицей управляли не бумажные правила, а неписаные «понятия», причём каждый толковал их так, как ему было выгодно.

— Ты за базаром следи, — бросал кто-нибудь.

И всем было понятно, что разговор сейчас не о рынке.

Сленг заменял сложные чувства короткими командами. «Не гони». «Не кипишуй». «За слова ответишь». «Свои не бросают». Последнее звучало особенно убедительно, пока не приходила настоящая беда. Тогда оказывалось, что у каждого «своего» есть собственная шкура, которую он хочет спасти.

В этом мире было немало людей с разными характерами и корнями. В разговорном уличном языке мелькало слово «чехи», которым называли определённые компании. Для юного Виталика важнее происхождения были конкретные поступки: кто держит слово, а кто прячется за чужой спиной. Но даже это различие он усвоил не сразу.

Бригада давала иллюзию семьи: рядом всегда кто-то есть, есть кому позвонить, есть с кем приехать. За иллюзию приходилось платить свободой выбора. Ты уже не можешь просто уйти домой, когда разговор перестаёт нравиться. Не можешь спокойно сказать: «Это не моё». Порой одного такого отказа хватало, чтобы вчерашние товарищи посмотрели на тебя как на чужого.

Позже он поймёт: самый опасный момент наступает не тогда, когда против тебя много людей. Он наступает, когда ты перестаёшь спорить с собственным внутренним голосом.

У клички есть одна особенность. Сначала её дают для удобства, потом она начинает работать вместо имени. «Шта-

кет приедет». «Штакет решит». «Спроси у Штакета». И чем чаще слышишь это, тем труднее вспомнить, что ты не обязан соответствовать чужой легенде.

Он входил в комнату, и кто-то делал паузу. Это льстило. Власть над паузой казалась настоящей властью. Но в ней была ловушка: если люди замолкают при твоём появлении, это ещё не значит, что они тебя уважают. Возможно, они просто боятся.

В молодости эти две вещи легко перепутать. Особенно когда никто не учит отличать силу от жестокости.

ИНТЕРЛЮДИЯ I. ПОД ЧУЖИМ ВЗГЛЯДОМ

Он ещё не научился спокойно переносить тишину. Особенно ту, что возникала после неудачной шутки.

В небольшой компании у забора спорили о человеке, которого не было рядом. Кто-то уверял, что тот «ответить не сумеет», кто-то посмеивался, кто-то ждал реакции Виталика. Он стоял чуть в стороне и чувствовал, как взгляды собираются на нём, будто стрелки часов сходятся к одной точке.

— Ну а ты что скажешь? — спросил старший.

Вопрос был простой только на слух. За ним прятался другой: с нами ты или нет?

Можно было пожать плечами. Можно было пойти домой. Можно было сказать, что чужую жизнь обсуждать нечего. Всё это он понял бы сейчас. Тогда — нет. Тогда в нём слишком громко стучало желание оказаться своим.

— Разберёмся, — ответил он.

И почувствовал, как компания словно признала его на полголовы выше.

Приятное, опасное чувство. Оно похоже на первый глоток того, что потом оказывается отравой. Ты ещё ничего не выиграл, но уже готов повторить ради нового одобрения.

Много лет спустя, сидя в комнате, где никто не проверял его на смелость, он вспомнит не сам разговор, а именно это ощущение: как мало иногда требуется человеку, чтобы продать собственное право сказать «нет».

В тот вечер он пришёл домой обычным мальчишкой. На следующий день снова вышел на улицу. Никто не сообщил ему, что биография изменила направление.

Такие вещи всегда происходят без объявления.

ГЛАВА 3. МАЛОЛЕТКА

В исправительных учреждениях время имеет свой звук.

Железо о железо. Шаги по коридору. Команда, на которую встают быстрее, чем успевают подумать. И тишина после того, как закрывается дверь.

Когда подросток впервые попадает за колючую проволоку, он может сколько угодно делать вид, что ему всё равно. Но ночью, оставшись наедине с собой, понимает: снаружи идёт жизнь, а здесь её нарезали на режимные отрезки. Подъём. Проверка. Работа. Отбой. И завтра то же самое.

Штакет прошёл через малолетку. Это слово на воле бросают легко, как будто речь о суровой школе. Но никакая это не школа. Здесь дети очень быстро учатся взрослым спосо-

бам причинять боль и прятать собственную. Здесь унижение может прикрываться словом «порядок», а страх — словом «уважение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.